

Долгилевич Р. В. Советская дипломатия и Западный Берлин (1965–1969 гг.). СПб., 2012.

Долгилевич Р. В. Становление и развитие прямых связей между СССР и Западным Берлином (1963–1964 гг.). СПб., 2014.

Долгилевич Р. В. «Третий берлинский кризис». 1969 год. — Новая и новейшая история, 2016, № 2, с. 34–50.

References

Dolgilevich R. V. V teni berlinskoi steny. Ekonomika Zapadnogo Berlina (1961–1965 gg.) [In the shadow of the Berlin wall. The economy of West Berlin (1961–1965)]. Saint-Petersburg, 2013. (In Russ.)

Dolgilevich R. V. Sovetskaia diplomatiia i Zapadni Berlin (1963–1964 gg.) [Soviet diplomacy and West Berlin (1963–1964)]. Saint-Petersburg, 2012. (In Russ.)

Dolgilevich R. V. Sovetskaia diplomatiia i Zapadni Berlin (1965–1969 gg.) [Soviet diplomacy and West Berlin (1965–1969)]. Saint-Petersburg, 2012. (In Russ.)

Dolgilevich R. V. Stanovlenie i razvitie priamykh svyazei mezhdru SSSR i Zapadnym Berlinom (1963–1964 gg.) [The formation and development of direct ties between the USSR and West Berlin (1963–1964)]. Saint-Petersburg, 2014. (In Russ.)

Dolgilevich R. V. «Tretii berlinskii krizis». 1969 god. — Novaia i noveishaia istoriia ["The Third Berlin Crisis." 1969 year. — Modern and Contemporary History], 2016, № 2, с. 34–50. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640009160-4

© 2020 г. **Б. Л. Хавкин**

ПОВТОРЯЕТСЯ ЛИ ИСТОРИЯ?

Рец. на книгу: L. Luks. WIEDERHOLT SICH DIE GESCHICHTE? DIE EUROPÄISCHE KRISE DER 1930er JAHRE AUS ZEITGENÖSSISCHER UND AUS HEUTIGER PERSPEKTIVE. Essays und Kolumnen. Berlin: Lit Verlag, 2019, 167 S.

Хавкин Борис Львович — доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).
E-mail: novistor@mail.ru

B. L. Khavkin

IS HISTORY REPEATING ITSELF?

Rec. ad op.: L Luks. WIEDERHOLT SICH DIE GESCHICHTE? DIE EUROPÄISCHE KRISE DER 1930er JAHRE AUS ZEITGENÖSSISCHER UND AUS HEUTIGER PERSPEKTIVE. Essays und Kolumnen. Berlin: Lit Verlag, 2019. 167 p.

Boris Khavkin, Historical-Archival Institute of the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
E-mail: novistor@mail.ru

Немецкий историк профессор д-р Леонид Люкс хорошо знаком российским специалистам по новейшей истории Европы: с 1995 до 2012 г. он возглавлял кафедру новейшей истории Центральной и Восточной Европы в Католическом университете г. Айхштетт (Бавария); в 2011–2015 г. был директором Института по изучению Центральной и Восточной Европы Католического университета в Айхштетте. Л. Люкс — главный редактор издающихся в Германии журналов «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры» (на русском языке) и „Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte“ (на немецком языке). С 2017 г. Л. Люкс преподает в России: он является научным руководителем

Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; с 2019 г. он входит в редколлегия журнала «Новая и новейшая история». Русскоязычным читателям известны монографии Л. Люкса: «Россия между Западом и Востоком» (М., 1993); «Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе» (М., 2002); «История России и Советского Союза: от Ленина до Ельцина» (М., 2009); «Западничество или евразийство? Демократия или идеократия?» (Штутгарт, 2012); «Два облика тоталитаризма. Сравнительные очерки об истоках и характере

большевизма и национал-социализма» (книжное приложение к журналу «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры». Айхштетт, 2014); «Соблазны утопизма: споры мыслителей “первой” русской эмиграции о причинах и последствиях тоталитарных революций XX в.» (книжное приложение к журналу «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры», т. 2. Айхштетт, 2015).

Новая книга Л. Люкса «Повторяется ли история? Европейский кризис 1930-х годов с точки зрения современников и историка, живущего в начале XXI в. Эссе и колонки» (Берлин, 2019) посвящена изучению кризиса европейской демократии 1930-х годов.

Книга состоит из введения, содержащего постановку проблемы, 4-х частей («Неуслышанные прогнозы европейского кризиса и роста фашизма, сделанные современниками – марксистскими теоретиками и русскими мыслителями в эмиграции»; «Возвращаются ли 1930-е годы?»; «Русский вопрос» после распада Советского Союза и немецко-русские параллели»; «Реплики») и заключения, названного «Вместо послесловия: возвращаются ли “старые” призраки? “Старый” и “новый” европейский национализм с исторической перспективой».

Л. Люкс констатирует, что разразившийся в 1930-е годы кризис европейской демократии был беспрецедентным явлением и достиг такой глубины, которая едва ли может сравниться с сегодняшним кризисом. Особенно чутко реагировали на его приближение русские эмигранты, которые, пережив революцию в России («русский апокалипсис»), понимали, что и Западу угрожает страшная катастрофа: «Нельзя отрицать, что и Европа чахнет и глест и не может заглушить это подземное горение», – писал в 1924 г. русский философ-эмигрант Семен Франк в книге «Крушение кумиров» (с. 7). Еще раньше, чем Франк, это понял Георгий Федотов, который в апреле 1918 г. писал, что русская катастрофа рано или поздно отразится на Западе (с. 7–8).

Кризис русской демократии лишь на несколько лет опередил кризис демократии западноевропейской. Георгий Федотов, эмигрировав из России в 1925 г., мог в непосредственной близости видеть кризис демократии европейской. Философа особенно беспокоило то, что бессилие демократии – это не только русское, немецкое или итальянское, а общеевропейское явление: «Демократия нигде не умела защищать себя: она погибает почти без сопротивления... В политике слабость не только несчастье, но и порок. Не умея защитить себя, власть тем более не в силах принимать ответственных решений, вести народ к новой жизни» (с. 82).

В защиту демократии выступал живший в Германии русский мыслитель и немецкий профессор Федор Степун: «Я хорошо знаю, что

сейчас совершенно безнадежно, тем более эмигранту, защищать идею демократии ... Но, может быть, лишь то и стоит защищать, что большинство считает делом безнадежным» (с. 82).

Автор подробно изучает творчество немецко-русского социал-демократа Александра Шифрина, чей глубокий анализ кризиса демократии и угрозы фашизма, сделанный в годы, когда фашисты в Италии пришли к власти, а нацисты в Германии шли от успеха к успеху, редко привлекает заслуживающее того внимание исследователей. «Германию и Италию объединяет не столько сходство экономических структур, сколько слабость демократии и отсутствие демократических традиций», – отмечал Шифрин (с. 14–15).

Шифрин писал, что в Италии существует самый современный фашизм внутри слаборазвитого капитализма; в Германии же – самый отсталый фашизм, развивающийся в сложном, высокоразвитом и высокочувствительном капиталистическом обществе. Утопическое стремление национал-социалистов вернуть этот сильно дифференцированный социальный организм на более примитивную стадию развития обречено на неудачу. «Примитивность и банальность национал-социалистической идеологии, ее противоречивые и абсурдные цели... предопределяли провал национал-социализма. В этом Шифрин, аналогично другим марксистским теоретикам, таким как Лев Троцкий, продемонстрировал чувство интеллектуального превосходства» (с. 20).

Л. Люкс считает Л. Троцкого одним из наиболее последовательных противников как сталинского «фикционализма» (с. 45), так и итальянского фашизма и германского национал-социализма (с. 48–54). Рассматривая коминтерновские теории фашизма, в частности «социал-фашизм», автор подробно изучает взгляды их критиков – коммунистов-диссидентов Льва Троцкого, Августа Тальгеймера, Артура Розенберга, Анджело Таска (с. 55).

По мнению исследователя, Троцкий был среди тех немногих коммунистов, которые открыто боролись против отождествления социал-демократии с фашизмом и предостерегали от катастрофических последствий этой тактики (с. 60). Можно обвинять Троцкого в чем угодно, но только не в том, что он недооценивал нацистской угрозы. Его полемика с официальной линией Коминтерна в начале 1930-х годов – это блестящая и уничтожающая критика сталинского курса. После «чистки» своих рядов зарубежные коммунисты, по примеру большевиков в России, стали претендовать на то, что лишь они могут выражать истинные интересы своих наций. Провозглашенная Коминтерном тактика самоизоляции привела к тому, что не находившиеся у власти коммунистические партии заключили

себя в своего рода политическое гетто, потеряв при этом всякую связь с реальностью своих стран. Троцкий так прокомментировал поведение компартии Германии: «КПГ пытается во всем подражать большевикам и ведет себя как единственная правящая партия. Но, в отличие от руководства ВКП(б), КПГ не имеет возможности арестовывать своих критиков и противников. Радикализм КПГ осуществляется только на словах и направлен на то, чтобы скрыть собственное бессилие» (с. 61–62).

Особый интерес читателей вызовет глава «Европейский кризис 1930-х годов и левые и правые тоталитарные вызовы с точки зрения русского эмигрантского журнала “Новый Град” и “новоградцев”» (с. 79–89). Русский эмигрантский журнал «Новый Град» был основан в Париже в 1931 г. Георгием Федотовым, Федором Степуном и эсеровским публицистом Ильей Бунаковым-Фондаминским. Журнал отражал взгляд русских интеллектуалов на европейский кризис 1930-х годов. Важнейшей целью журнала, его программой, была защита свободы — этого важнейшего с точки зрения издателей «Нового Града» достижения начавшегося в 1789 г. «долгого XIX века» — от ее тоталитарных врагов, левых и правых.

«Новоградцы» объявили непримиримую борьбу коммунистическим и праворадикальным ненавистникам свободы. При этом они резко критиковали европейский либерализм и упрекали либеральные группировки в недостаточном интересе к социальным вопросам. Труд, а не капитал должен был стать важнейшей основой «нового общественного строя», к которому стремился «Новый Град». «Новоградцы» обвиняли либеральное государство в духовном эклектизме и релятивизме. Не в последнюю очередь по этой причине либеральное государство не обладало достаточной энергией для сопротивления тоталитарным фанатикам: «Парламентская демократия западноевропейского образца представляет собой политическую систему, не только равнодушную к вопросам мирозерцания, но и защищающую это равнодушие как свое мирозерцательное средо», — писал в «Новом Граде» Федор Степун. «Такое свое безразличие к вопросам истины (истины, а не отдельных правд и правильностей) современная политическая демократия ощущает, как защиту идеи свободы. Эта терминология неточна, — продолжает Степун. — Идея свободы (идея в платоновском метафизическом смысле слова) в отрыве от истины не познаваема. Свобода, в смысле идеи, т.е. в смысле высшей духовной реальности, есть путь истины в мир и путь мира к истине» (с. 81). Общественный строй «Нового Града» должен был строиться не на эклектически-релятивистских, а на христианских основах.

Авторы «Нового Града» были разочарованы неспособностью западноевропейских демократий дать отпор своим тоталитарным противникам — это несмотря на столетия правовой традиции, которая была укоренена в западной части Европы, в отличие от России. «Новоградцы» подробно изучали кризис Веймарской республики начала 1930-х годов. Их потрясла беспомощность демократов — не в последнюю очередь социал-демократов, — которые были фундаментом немецкой общественно-политической системы, воздвигнутой в ноябре 1918 г.: немецкая социал-демократия «пала так же бесславно, как монархия Николая II, — писал Федор Степун в 1933 г. в статье “Германия проснулась”». — Прекрасно организованная и дисциплинированная, располагавшая массой очень высокого культурного уровня, опытная в делах государственного управления и гордая своими спортивно-боевыми организациями, немецкая социал-демократия сдалась на милость победителя, не только не успев поднять вооруженной руки, но не успев даже громко крикнуть о своей гибели» (с. 81–82).

Георгий Федотов считал крайне тревожным тот факт, что падение Германии в тоталитарную пропасть не разбудило европейские демократии. Свою статью в том же номере «Нового Града», в котором была опубликована статья Степуна «Германия проснулась», Федотов назвал «Демократия спит». «Вот уже третье предостережение, — пишет Федотов. — Первой провалилась Россия. За ней Италия. Теперь Германия. Провалилась уже половина Европы». Однако Федотов не верил, что закат европейской демократии неизбежен: «Мы верим в свободу человеческого самоопределения. Любой момент падения может быть сделан исходной точкой возрождающего подъема... Демократия сейчас — единственное убежище человечности. А человечность — единственное, что еще сохраняется в современном мире от христианской цивилизации» (с. 82–83).

«Новый Град» на своих страницах внимательно изучал процесс сталинской «революции сверху». По словам Федотова, Сталин пытался национализировать коммунизм. Он хотел править не от имени партии, а от имени русской нации. «Оправдывая подвиг св. Владимира, Дмитрия Донского, Петра Великого, Сталин чувствует себя продолжателем их исторического дела. Кажется, что он предпочел бы быть русским царем, чем вождем мирового пролетариата» (с. 87). Л. Люкс считает, что «Федотову не хватало временной дистанции, чтобы увидеть, что Сталин хотел объединить оба главных направления русской истории: как царскую автократию, так и революционный утопизм. Сталин хотел овладеть историей революции так же, как и историей России; он представлял свое правление как вершину обеих линий развития» (с. 87).

Л. Люкс утверждает, что мыслители «первой» русской эмиграции, покинувшие Россию после победы большевистской революции, были в Европе своего рода первопроходцами. Будучи свидетелями и жертвами первой в истории попытки превращения тоталитарной утопии в действительность, многие из них распознали опасность, которая исходит от утопистов, стремящихся к уничтожению опирающегося на «зло» мира, чтобы на его обломках построить никогда не бывалый «радикально новый порядок». Многие русские эмигранты, оказавшись на Западе, оставались русоцентристами. Но были и другие русские мыслители, которые внимательно следили за процессами, происходящими на Западе. Уже в 1920-е – начале 1930-х годов они сумели понять, что и Западу угрожает страшная катастрофа, что события 1917 г. в России были лишь первым актом общеевропейской трагедии; они пытались предупредить европейскую общественность о надвигающейся катастрофе. Многие работы русских эмигрантских мыслителей были переведены на западноевропейские языки; кроме того, русские мыслители, как правило, превосходно владели иностранными языками и нередко писали свои работы на языках стран пребывания. Слабую реакцию западной общественности на предостережения русских эмигрантов нельзя объяснить и недостатком интереса немецких, французских или английских интеллектуалов к России. Напротив, в то время Россия находилась чуть ли не в центре внимания западной общественности. В 1921 г. австрийский писатель, поэт и драматург Гуго фон Гофмансталь даже жаловался, что Достоевский грозит свергнуть Гёте с его пьедестала. Почему же русские эмигранты не смогли воспользоваться интересом к России, который охватил тогда Запад? И это несмотря на то, что свободный интеллектуальный дискурс, задушенный в самой стране большевистской диктатурой, был практически полностью перенесен в «зарубежную Россию». Только в эмиграции русская культура, пережившая к началу XX в. беспрецедентный религиозно-философский ренессанс, могла развиваться и дальше в полном духовном объеме. Но этот факт был недооценен тогдашней западной общественностью. Недооценка творческой силы русских эмигрантов, распространенная как среди западной общественности, так и в научной литературе, связана с тем, что «зарубежная Россия» интересовала немецкую, французскую или английскую общественность значительно меньше, чем отношения со сталинским Советским Союзом.

Можно ли сегодняшний кризис европейской демократии сравнить с кризисом 1930-х годов,

как это делали американско-британская писательница Энн Эпплбаум, профессор политологии берлинского университета им. Гумбольдта Херфрид Мюнклер и многие другие авторы? Вряд ли. Конечно, не подлежит сомнению, что европейская идея находится сейчас, особенно после выхода Великобритании из ЕС, в довольно плачевном состоянии, особенно, если сравнить сегодняшнее положение «старого» континента с эйфорическими ожиданиями в связи с преодолением европейского раскола в 1989–1991 гг.

Л. Люкс считает, что о той глубине падения, которого достигла европейская демократия в 1930-е годы, например во времена мюнхенской конференции 1938 г., в настоящее время не может быть и речи. Опасности, что угрожают «открытому обществу» в сегодняшней Европе, не идут ни в какое сравнение с угрозами, подрывавшими устои европейского миропорядка в 1930-х годах. Эксперты, проводя аналогии между сегодняшними правыми популистами, ставящими под вопрос европейскую идею, и правоэкстремистскими движениями 1930-х годов, не учитывают следующего: фашизм и в еще большей степени национал-социализм были тоталитарными движениями, стремящимися к созданию нового, небывалого европейского порядка, к национальной консервативной революции, которая в отдельных аспектах была еще более радикальной, чем интернациональная большевистская. Немецкий историк Эрнст Нольте, его никак нельзя заподозрить в прокоммунистических симпатиях, в 1966 г. писал: «Картина (национал-социалистического) “нового порядка” позволяет ясно увидеть проявляющиеся контуры великой германской империи, имеющей гораздо меньше общего с многообразной действительностью европейского мира, чем мечта Ленина о Европе, объединенной в Союз Советских Республик» (с. 130).

Л. Люкс приходит к выводу, что современный кризис европейской идентичности несравним с ситуацией 1930-х годов, когда шел процесс эрозии демократии и усиления тоталитарных диктатур. О том, что песня западных демократий спета, говорили еще в 30-е годы. Но тогда оснований для этих утверждений было значительно больше, чем сегодня.

Несмотря на то, что часть вошедших в книгу эссе была опубликована в русских научных журналах, было бы полезно издать всю книгу по-русски. Она, без сомнения, вызвала бы большой интерес историков – преподавателей и студентов. Но пока русского издания нет, остается рекомендовать любителям истории, читающим по-немецки, обратить внимание на новую работу Л. Люкса.